

"Как был придуман алфавит"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Редьярд Киплинг

Как был придуман алфавит

Прошла целая неделя после истории с Чужеземцем, сломанным копьём и Таффиным нарисованным письмом [1], из-за которого вышло столько шума и неразберихи. И вот Таффимай Металлумай (но мы с тобой, моя радость, по-прежнему будем звать её Таффи) снова отправилась с папой на рыбалку. Мама хотела, чтобы Таффи осталась дома и помогла ей развесить шкуры на больших сушильных шестах рядом с Первобытной Пещерой, но Таффи рано утром улизнула к папе на реку; и вот они сидели и ловили карпов. Вдруг Таффи развеселилась и стала хихикать.

— Веди себя прилично, дочь моя, — сказал Тегумай.

— Ну папа, — воскликнула Таффи, — ты что, уже забыл, как юморительно это всё было? Помнишь, как раздувал щёки Большой вождь и какой смешной был наш милый Чужестранец с комьями грязи в волосах?

— Ещё бы мне не помнить! — ответил папа. — Кому, как не мне, пришлось отдать Чужестранцу две выделанные олени шкуры с бахромой — в уплату за все обиды, которые мы ему нанесли?

— Мы с тобой ему ничего не наносили, — возразила Таффи. — Это всё мама и другие Первобытные Дамы. И ещё грязь.

— Не хочу больше об этом говорить, — сказал папа. — Лучше давай поедим.

Таффи взяла мозговую кость и целых десять минут сидела тихо как мышка, а Тегумай что-то царапал акульим зубом на кусочках берёзовой коры [2]. Потом Таффи сказала:

— Папочка, я тут всё думаю про один секретный сюрприз. Скажи, пожалуйста, какой-нибудь звук. Любой, какой захочешь.

— А! — сказал Тегумай. — Этого тебе хватит для начала?

— Угу, — ответила Таффи. — Ты был похож на карпа, который разинул рот. Сделай так ещё раз, ладно?

— А! А! А! — повторил папа. — Только не груби мне, дочь моя.

— Я вовсе не хотела тебя обидеть, честно-пречестно! — сказала Таффи. — Мне это надо для одной тайно-секретной внезапности. Скажи еще раз «а», папочка, и немножко так замри; и ещё одолжи мне свой акулий зуб. Я хочу нарисовать карпа с разинутым ртом.

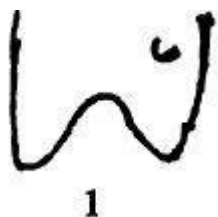
— Зачем? — спросил Тегумай.

— Я ведь тебе уже сказала! — ответила Таффи, царапая по берёсте. — Это будет наш с тобой сюрпризный секрет. Я нарисую карпа с разинутым ртом на закопчённой стене в конце Пещеры — если мама разрешит, конечно, — а ты увидишь его и вспомнишь про это «а». И мы поиграем, что я вдруг так крикнула и выпрыгнула на тебя из темноты — как прошлой зимой на бобровом болоте, помнишь?

— Ну-ка, ну-ка, — сказал папа тем особым голосом, каким говорят взрослые, когда им и вправду интересно. — Рассказывай дальше.

— Нет, взаправдашний карп у меня не получается, — вздохнула Таффи. — Как обидно! Ладно, тогда нарисую только рот. Помнишь, как они закапываются в тину, головой вниз? Смотри, это у нас будет понарошечный карп; мы притворимся, что всё остальное тоже нарисовано [3]. Вот его рот — это будет звук «а».

И вот что она нарисовала:

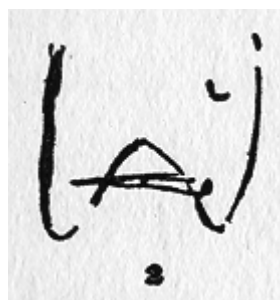

— Недурно, недурно, — сказал Тегумай и перерисовал картинку на свой кусок берёзовой коры. — Только ты забыла усики, которые у него поперёк рта.

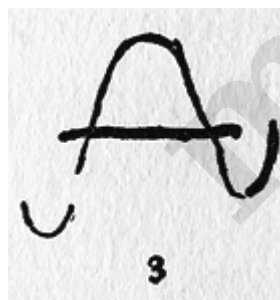
— Папа, ну я ведь не умею рисовать!

— А целого карпа рисовать и не надо — только открытый рот и усики поперёк. И мы будем знать, что это карп, ведь у окуня и форели усиков нет. Смотри, Таффи.

И он нарисовал вот это:

— Дай и я себе нарисую, — сказала Таффи. И вот что у неё получилось:

— Ты узнаешь, когда увидишь?

— Ещё как узнаю, — сказал папа. — И когда увижу, сразу так испугаюсь, будто ты сама выскочила из-за дерева и закричала: «А-а-а!»

— Теперь давай другой звук! — велела Таффи очень гордо.

— Ай! — воскликнул папа очень громко.

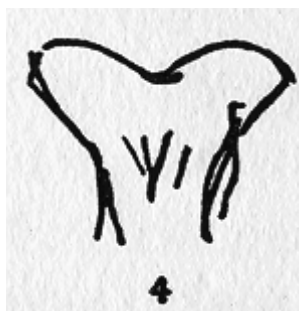
— Так-так, — подумала Таффи. — Это перемешанный звук. В начале у него «а» с карповым

ртом, но что нам делать с его хвостом? Сначала «а», потом «й». «А-а-й»!

— Раз в нём уже есть карповый звук, давай нарисуем остального карпа и соединим их вместе, — сказал папа. Он тоже увлёкся и завлёкся этой новой игрой.

— Не надо. Если они будут вместе, я их точно перепутаю. Лучше пусть по отдельности. И нарисуй только хвост, потому что когда карп стоит на голове, сперва видишь его хвост, — сказала Таффи. — И вообще, хвосты легче всего рисовать.

— Правильная мысль, — сказал Тегумай. — Вот тебе хвост карпа для звука «й».

— Сейчас попробую, — сказала Таффи. — Только не забывай, что я не умею рисовать как ты. Можно, я нарисую как-нибудь попроще?

И вот что она нарисовала:

Папа кивнул, и глаза его зажигательно заблестели/загорелись и заблестелись.

— Ой, как здорово! — сказала Таффи. — Тогда, папочка, выговори мне ещё какой-нибудь звук.

— О! — громко сказал Тегумай.

— Ну, это просто, — сказала Таффи. — У тебя рот делается круглым — как яйцо или камень-голыш. Так что для этого звука мы можем просто взять яйцо или круглый камень.

— Думаешь, у тебя всегда будет под рукой яйцо или камень? Лучше нарисовать круг или что-нибудь круглое, — вот такое, например.

И вот что он нарисовал:

— Мамочки мои! — сказала Таффи. — Представляешь, у нас уже целая куча звуковых рисунков: карпов рот, карпов хвост и яйцо! Слушай, папа, а скажи ещё какой-нибудь звук.

— Тс-с-с... — сказал Тегумай и нахмурился, но Таффи так увлеклась и завлеклась, что ничего не замечала.

— Ну, это просто, — сказала она, царапая по коре.

— Что «просто»? — удивился папа. — Я сказал: тс-с-с, не мешай, я задумался. Когда я думаю, я не люблю, чтобы мне мешали.

— Всё равно это был звук. Это шипела змея, которой мешают думать. Давай нарисуем для этого «с-с-с» змеиную голову. Вот так пойдёт?

И вот что у неё получилось:

— Это будет другой наш сюрпризный секрет, — сказала она. — Если ты нарисуешь шипучую змею у входа в рабочую пещеру, где ты чинишь копьё, то я буду знать, что ты там сидишь и думаешь, и прокрадусь к тебе тихо, как мышка. А если ты нарисуешь его на дереве у реки, когда будешь ловить рыбу, я буду красться, как самая-пресамая тихая мышка, так что даже травинка не шелохнётся.

— Это просто здорово, — сказал Тегумай. — Ты даже не догадываешься, какую важную игру придумала. Мне кажется, дорогая моя Таффи, что дочь твоего отца изобрела лучшую в мире вещь! Самую лучшую с тех времён, как тегумайское племя придумало заменить кремнёвые

наконечники для копий акульими зубами! По-моему, мы разгадали самый большой в мире секрет.

— Какой? — спросила Таффи, и глаза её тоже заблестели от увлечённости и завлечённости.

— Сейчас я тебе покажу, — сказал папа. — Как по-тегумайски «вода»?

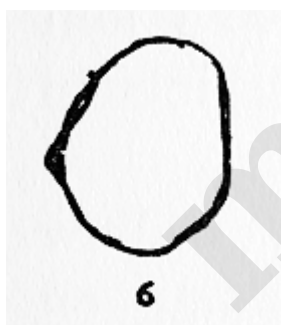
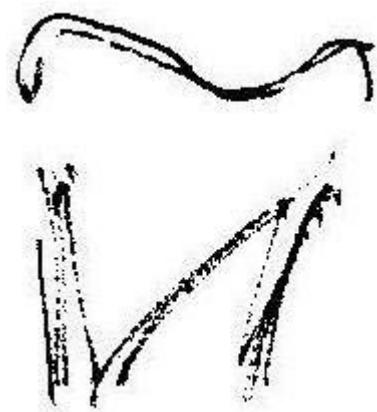
— «Йа», конечно; и еще это будет река: вот, например, «Вага-йа» — река Вагай.

— А плохая вода, от которой бывает лихорадка, — болотная, затхлая вода, — как она называется?

— «Йо», конечно.

— А теперь смотри, — сказал папа. — Допустим, ты шла мимо запруды на бобровом болоте и увидела на берегу вот это.

И вот он что нарисовал:

— Рыбий хвост и круглое яйцо; два звука вместе... Это значит «йо», плохая вода, — сказала Таффи. — Конечно, я не стану её пить, раз ты сказал, что она плохая.

вернуться

1

В сказках «Как было написано первое письмо», «Как был придуман алфавит» и «История про тегумайские табу» действие происходит на Британских островах — точнее, почти на самом юге Англии.

Когда Киплинг писал сказки тегумайского племени, он и его семья зимой уезжали в Южную Африку, а летом возвращались в Англию, в графство Суссекс (до которого скакала без остановки *белка* из сказки про табу), в деревню Роттингдин (куда писал письмо Нельсон Даблдей).

Тегумайское племя жило совсем близко от Суссекса — в примыкающем к нему с севера графстве Суррей. В те годы Киплинг часто ездил, в одиночку и с семьёй, к своему другу Джону Стрэчи, который жил около *Гилфорда* — столицы Суррея.

Тегумайское племя жило на *реке Вагай* — это нынешняя речка Вэй, приток Темзы. Вэй протекает через Суррей, на ней стоит город Гилфорд. *Мерроу* — деревушка к востоку от Гилфорда, а *Мерроу-Даун* — холмистая местность рядом с Мерроу. Она известна тем, что уже четыреста лет назад на её полях играли в крикет — национальную английскую игру. *Бремли* и *Шемли* — тоже небольшие деревеньки, в нескольких километрах к югу от Гилфорда.

Когда-то давным-давно на Британских островах жили пикты и бритты. Из далёкого Средиземноморья к ним добирались на своих кораблях финикийцы — «народ моря», торговавшие со многими прибрежными государствами и племенами. Потом, во времена Юлия Цезаря, Англию захватили римляне и правили ею несколько веков. Ещё позже, в VI веке, в Британии обосновались племена англов, саксов и ютов. А в XI веке Англию завоевали нормандцы — потомки скандинавских викингов-норманнов.

Тегумайцы были *первобытным* племенем. Они жили раньше, чем англ и саксы, раньше, чем бритты, и даже раньше, чем дравиды (которые появились несколько тысяч лет назад, и не в Британии, а в Индии). Доисторические люди жили в дописьменные и доалфавитные времена, поэтому нам известно лишь то, что узнали о них археологи.

Первобытные люди жили в *пещерах*, пока не научились строить хижины. Для охоты у них были *копья* и *дубинки*, а рыбу они ловили *острогой* — похожим на вилы копьём с несколькими зубцами. Железа и меди у них ещё не было, зато они умели обрабатывать камень и делали *топоры с кремнёвыми наконечниками*. Бывали и топоры из полудрагоценного камня *нефрита*, а вот про *акульи зубы* нам ничего не известно.

Сначала первобытные люди носили одежду из звериных шкур, которые сшивали *оленьими жилами*, а потом научились прясть шерсть. Для этого они придумали прялку с *веретёнцем* (которым в сказке «Кошка, гулявшая сама по себе» играла Кошка, чтобы развеселить Ребёнка) — круглой палочкой, на которую наматывали готовую нитку.

вернуться

2

Из *берёсты* — берёзовой коры — изготавливали домашнюю утварь, а когда возникла письменность, на берёсте ещё и писали.

вернуться

3

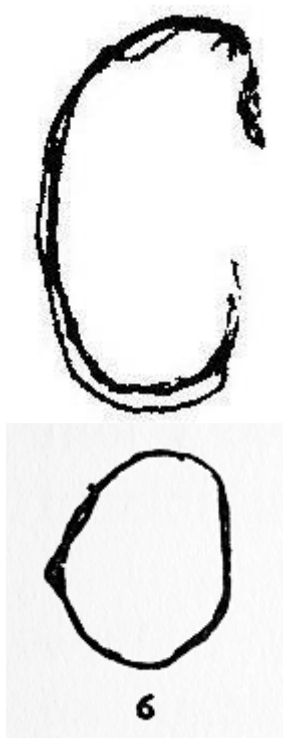
NB: Рисунки букв в черновом варианте, а не как в книге.

— Но ведь меня не было возле пруда! Я был где-то далеко, охотился где-нибудь, и всё равно...

— И всё равно ты как будто сам сказал мне: «Таффи, уходи скорей отсюда, а то заболеешь!» И все эти слова прячутся в рыбьем хвосте и в круглом яйце! О папочка, давай скорей побежим и расскажем маме! — закричала Таффи и запрыгала вокруг отца.

— погоди, — сказал Тегумай. — Давай ещё чуть-чуть подумаем. «Йо» — это плохая вода, а «со» — это еда, которую готовят на огне, верно?

И он нарисовал вот это:

— Да. Змея и яйцо, — сказала Таффи. — Это значит, что обед готов. Если нацарапать их на дереве, ты поймёшь, что пора возвращаться в Пещеру. И я тоже пойму.

— О Священный Бобёр! — воскликнул Тегумай. — Вот это здорово! Только погоди минутку. Смотри, что получается. «Со» значит «пора обедать», а «шо» — это шесты, на которых сушат шкуры. А звучат они очень похоже.

— Ох уж эти шесты! — прошипела Таффи. — Ненавижу развешивать мокрые шкуры на этих паршивых сушильных шестах. А что если ты нарисуешь змею и яйцо, и я решу, что пора обедать, и приду из леса, а окажется, что маме нужно помочь развешивать шкуры на шестах, — что тогда будет?

— Что тогда? Тогда вы с мамой будете развешивать шкуры и дуться друг на друга. Нет, для «шо» нужна другая картинка. Давай нарисуем пятнистую змею, которая шипит «ш-ш-ш», а змея без пятен пусть шипит просто «с-с-с».

— А если пятна не поместятся? — сказала Таффи. — А вдруг ты будешь куда-то спешить, и забудешь про пятна, и я подумаю, что это съедобное «со», а оно окажется сушильным «шо», и мама всё-таки заставит меня развешивать шкуры. Нет! Лучше нарисуем сами шесты, чтоб ничего не напутать. Я их воткну перед круглым яйцом. Смотри!

И вот что она нарисовала:

— Да, так будет верней. И очень похоже на наши сушильные шесты, — рассмеялся Тегумай. — А теперь я скажу другое слово, и в нём тоже есть звук сушильных шестов: «ши». По-тегумайски это «острога» или «копьё». — И он расхохотался, вспомнив о Таффином рисунке.

— Папа, перестань надо мной смеяться, — сказала Таффи, которая тоже вспомнила о своём письме и о комьях грязи в волосах Чужестранца. — Нарисуй лучше сам.

— На этот раз обойдёмся без бобров и без холмов, — сказал папа. — Я просто проведу линию, и это будет острога.

— Раз у нас три шеста, пусть будет и три остроги, — решила Таффи.

И Тегумай нарисовал вот это:

— Теперь даже мама не подумает, что меня проткнули копьём.

— Папа, ну хватит дразниться! Мне от этого как-то неприятно. Скажи лучше другие звуки. Смотри, сколько мы уже напридумывали!

— Ну... тогда... — Тегумай посмотрел вверх. — Тогда давай скажем «шу». Это значит «небо».

Таффи нарисовала сушильные шесты и задумалась.

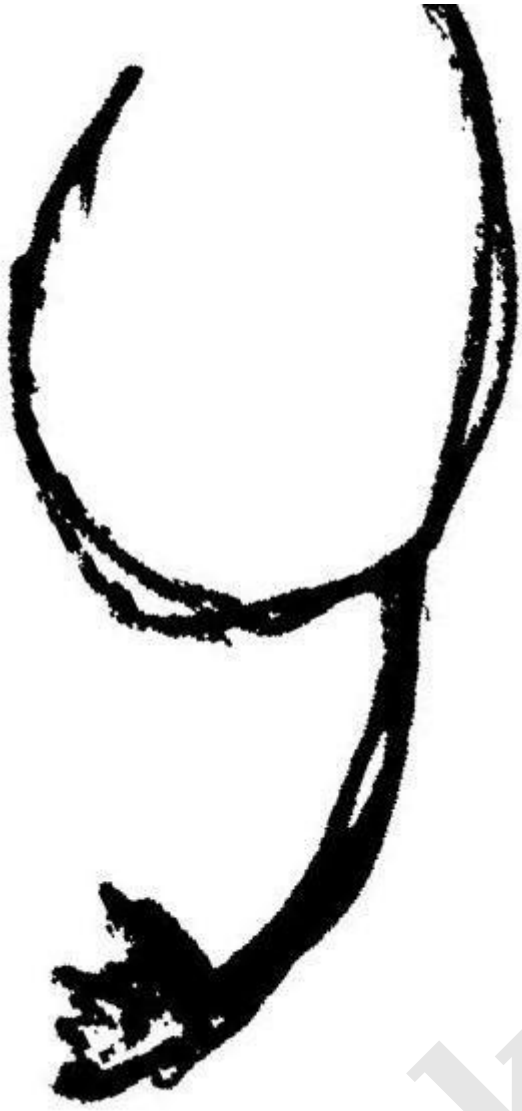
— Ещё ведь нужен рисунок для того звука, который на конце, да?

— *Шу-шу-у-у!* — проговорил папа. — Похоже на звук круглого яйца, только потоньше.

— Тогда давай нарисуем яйцо поменьше и решим, что это лягушка, которая сто лет ничего не ела.

— Ой, нет, — сказал папа. — Если будешь рисовать торопливо, то потом можно запросто спутать одно яйцо с другим. *Шу-шшу-у-у...* Придумал! Мы сделаем дырочку на верхушке круглого яйца: это будет значить, что звук «о-о-о» вытекает оттуда тоненькой струйкой и превращается в «у-у-у». И приставим снизу лягушачью лапку, чтобы уж точно не спутать. Вот, смотри.

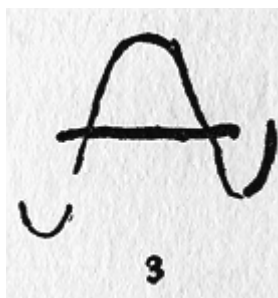
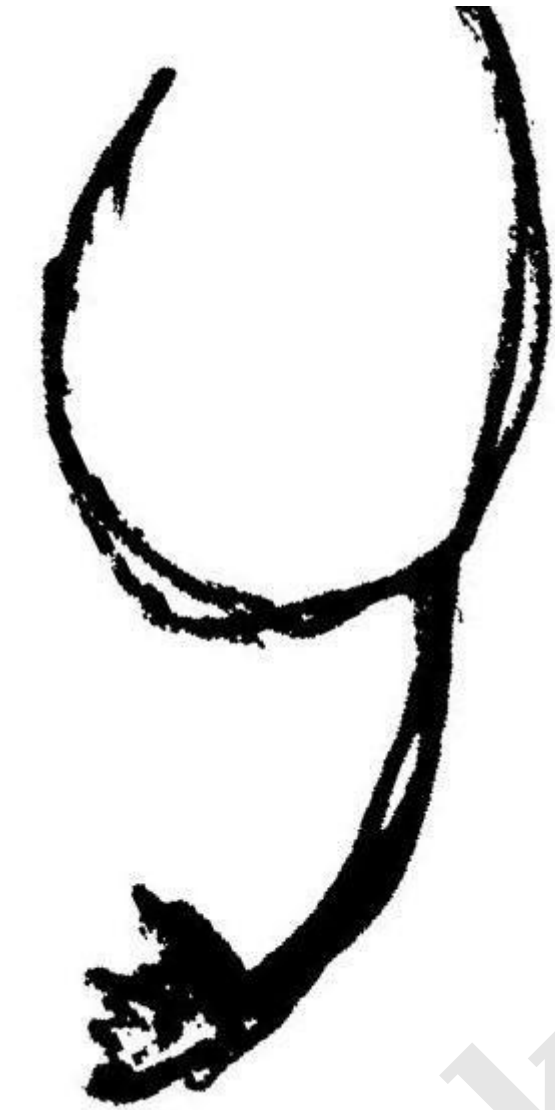
И вот он что нарисовал:

— Ой, как красиво! Куда как лучше худой лягушки! Давай рисовать дальше, — сказала Таффи, усердно царапая акульим зубом по своему куску берёсты.

И Тегумай дрожащей от нетерпения рукой стал рисовать дальше, пока у него не получилось вот что:

— Таффи, давай ты не будешь смотреть на небо и попробуешь разгадать, что это значит по-

тегумайски, — сказал он. — Если у тебя получится, тогда мы точно разгадали самый главный в мире секрет.

— Шесты... пробитое яйцо... карпов хвост и карпов рот, — сказала Таффи. — Шу... йа. Небо и вода... вода с неба! Дождь! — И тут ей на руку упала капля, потому что погода начинала портиться. — Ой, папа, начинается дождь. Ты это загадал?

— Да, именно это! — ответил папа. — И заметь, я даже рта не раскрыл!

— Наверное, я и так бы сразу поняла, но когда на меня капнул дождь, тут я уж точно поняла. Теперь никогда не забуду: «шу-йа» — значит, пошёл или скоро пойдёт дождь. Слушай, папочка! — Таффи вскочила и заплясала вокруг Тегумая. — Представь себе, что ты ушел раньше, чем я проснулась, и нарисовал «шу-йа» на нашей закопчённой стене, и я поняла, что собирается дождь, и заранее надела свою бобровую накидку. Представляешь, как удивится мама?

Тегумай вскочил и тоже пустился в пляс. (В те времена папы не стеснялись танцевать, когда им этого хотелось.)

— Но и это не всё! — выкрикнул он. — Нет, не всё! Вот, например, я хотел тебе сказать, что сильного дождя не будет и я жду тебя у реки, — что тогда нужно нарисовать? Скажи сперва по-тегумайски.

— *Шу-йа лас, йа мару.* «Вода с неба кончилась. Иди к реке». Ой, как много новых звуков! Даже не знаю, как мы их придумаем.

— Придумаем, придумаем! — воскликнул Тегумай. — Постарайся ещё немножко, Таффи, и на сегодня закончим. *Шу-йа* мы уже умеем писать, верно? Но этот *лас* — крепкий орешек. *Ла-ла-ла*, — пробормотал он, размахивая рисовальным акульим зубом.

— Шипящая змея в конце, а перед ней карпов рот: *ас*. Осталось только *ла-ла-ла*, — сказала Таффи.

— Ну да: нам нужно придумать это *ла-ла-ла*. Ведь мы самые первые на Земле его придумываем, понимаешь?!

— Ладно, — зевнула Таффи (она уже порядком устала). — *Лас* — это когда что-то кончилось или поломалось?

— Конечно, — сказал Тегумай. — Например, *то-лас* — значит, в бадье для воды опять пусто, и мама не может готовить обед, а я как раз собрался идти на охоту!

— А *ши-лас* значит, что у тебя сломалось копьё. Как жалко, что я этого не знала, когда рисовала Чужестранцу этих дурацких бобров!

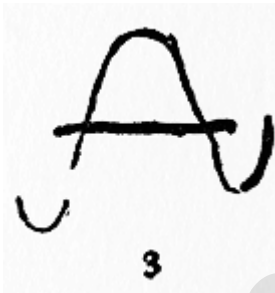
— *Ла! Ла! Ла!* — повторял Тегумай, хмурясь и вертя в руках акулий зуб. — Вот ведь напасть какая!

— *Шу* я нарисую легко и просто, — сказала Таффи. — А потом нарисую твоё копьё, совсем переломанное — вот так!

— То, что надо, — одобрил Тегумай. — Вылитое *ла*. И больше ни на что не похоже.

И вот что он нарисовал:

— Теперь насчёт *йа*. А, мы ведь его уже придумали. Тогда займёмся этим *мару*. **Ма-мма-мам**, — как мама, когда она вечером велит тебе закрыть рот и отправляться спать. Давай-ка нарисуем закрытый рот — вот так.

И он нарисовал вот что:

16

— Потом карп с открытым ртом... и вот у нас *ма-ма-ма!* Но что делать с этим *р-р-р-р-р*, Таффи?

— Он такой же грубый и острый, как пила из акульих зубов, которой ты пилил доску для лодки, — сказала Таффи.

— Ты хочешь сказать, сплошные острые зубья? Вот такие? — спросил Тегумай.

И он нарисовал вот это:

— Точно, — сказала Таффи. — Но столько зубов нам не надо: оставь только парочку.

— Я вообще оставлю один, — сказал Тегумай. — Если наша с тобой игра станет интересной для всех (а я в этом почти уверен), то надо сделать эти картинки совсем простыми.

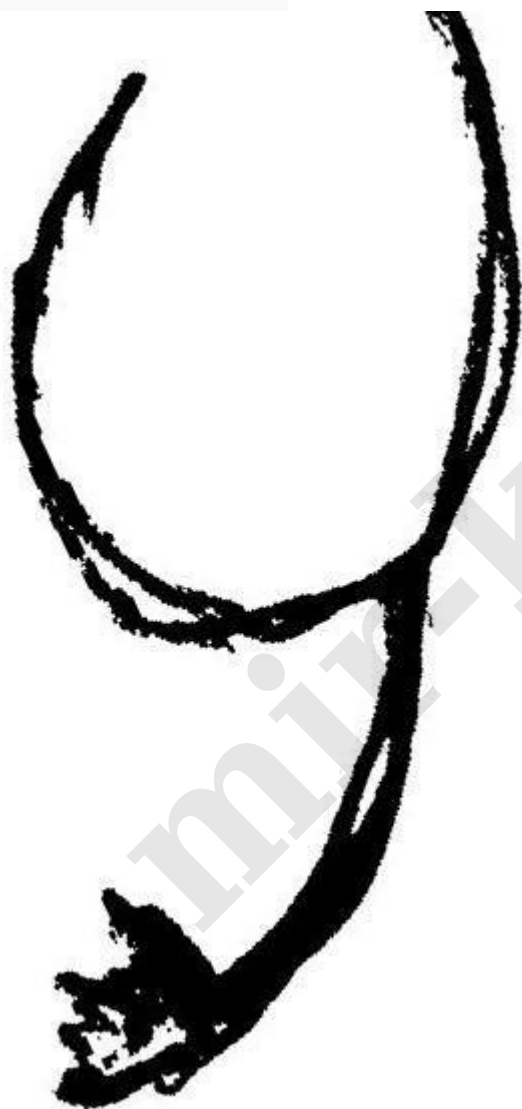
И вот как он нарисовал:

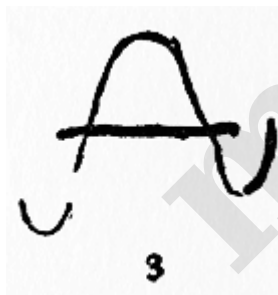
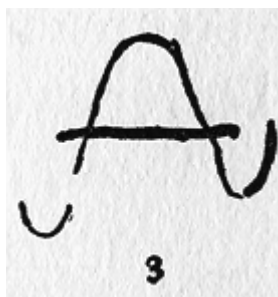
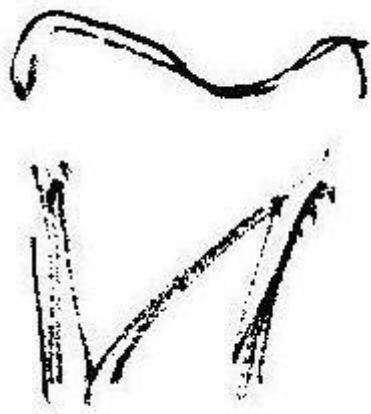

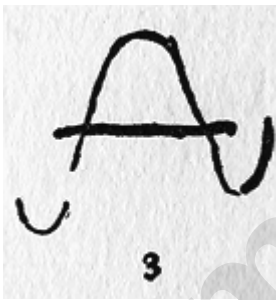
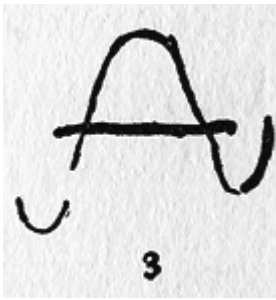
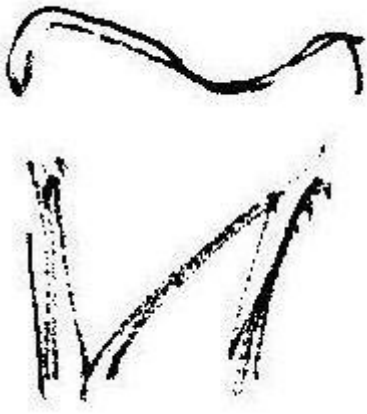
— Вот теперь всё готово, — сказал Тегумай и запрыгал от радости на одной ноге. — Теперь я смогу нанизать их на бечёвку, как рыбу на кукан.

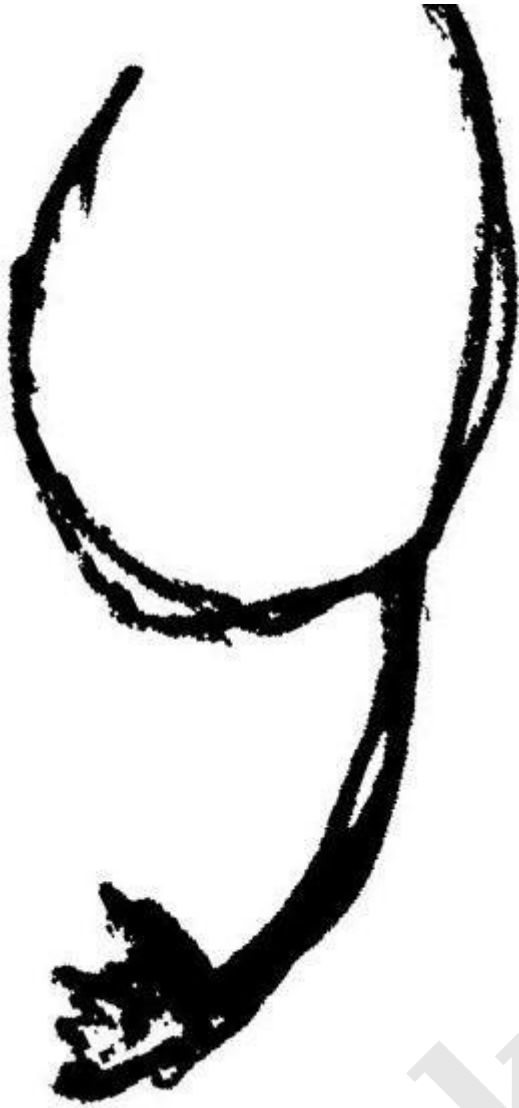
— Может, вставить между словами какие-нибудь маленькие палочки, как между карпами на бечёвке, — чтоб они не толкались и не сбивались в кучу?

— Лучше я оставлю между ними просветы, — сказал папа. И он очень быстро и вовлечённо изобразил это всё на новой полоске берёзовой коры.

— Шу-йа лас, йа мару, — прочитала Таффи один звук за другим.

— Всё, на сегодня хватит, — сказал Тегумай. — И вообще, ты уже устала, Таффи. Ничего, моя милая, завтра мы всё закончим. И когда самые большие деревья, которые ты видела, пойдут на дрова и сгорят в очагах, и ещё через долгие-долгие годы, — даже тогда люди будут помнить о нас.

Они вернулись домой, и весь вечер Тегумай просидел с одной стороны от очага, а Таффи с другой, и они рисовали на закопчённой стене всякие «йа» и «йо», «шу» и «ши», и переглядывались и пересмеивались, пока мама не сказала:

— Право же, мой Тегумай, ты ещё хуже, чем Таффи.

— Мамочка, не сердись, пожалуйста, — сказала Таффи. — Просто у нас есть один секретный сюрприз, и мы тебе сразу всё расскажем, когда он будет готов; но только не расспрашивай меня сейчас, а то я не удержусь и всё тебе разболтаю.

И её мудрая мама не стала ни о чём расспрашивать; назавтра Тегумай ранним и погожим утром отправился на реку, чтобы подумать о новых звуковых рисунках, и когда Таффи проснулась, она увидела начерченное мелом «йа-лас» на боку большой каменной бадьи рядом с их Пещерой (и это значило, что вода в ней кончилась или скоро кончится).

«Ой-ой-ой, — подумала Таффи. — От этих звуковых рисунков полно забот! Всё равно как если бы папа сам подошёл ко мне и велел натаскать маме воды для обеда».

Она взяла берестяное ведёрко, пошла к роднику за Пещерой и наносила воды в бадью, а потом побежала к реке и дёрнула папу за левое ухо — за то, за которое имела право дёргать, когда хорошо себя вела.

— А теперь давай рисовать дальше, и мы придумаем все звуковые значки, которые ещё остались, — сказал папа, и весь этот завлекательный день они рисовали без остановки, — только разве что один разок вкусно поели и пару раз буйно поиграли. Они дошли до звука «Т», и Таффи сказала, что если с него начинаются и папочка с мамочкой, и она сама, то надо придумать что-то вроде семейного портрета, где все держатся за руки. Сначала картинки получались красивые и подробные, но после шести-семи раз у них стало выходить всё проще и проще, пока, наконец, на рисунке не остался один Тегумай, высокий и худой, который протягивал руки Таффи и маме. Сейчас ты поймёшь, как это получилось:

20

21

22

Остальные картинки тоже поначалу были слишком красивыми (особенно до обеда), но Таффи с папой снова и снова рисовали их на берёзовой коре, и они становились всё проще и понятней, пока даже Тегумай не мог найти в них изъяна. Для звука «з» они повернули пасть шипящей змеи в другую сторону и пририсовали ей жало, чтобы показать, как злобно и неправильно она шипит;

а для «е», которая часто появлялась на картинках, они придумали вот такой простой завиток:

24

и они нарисовали Священного Бобра тегумайского племени для звука «б»;

25

26

27

а для звука «ф», от которого раздуваются щёки, когда повторяешь его снова и снова, у них получилось вот что:

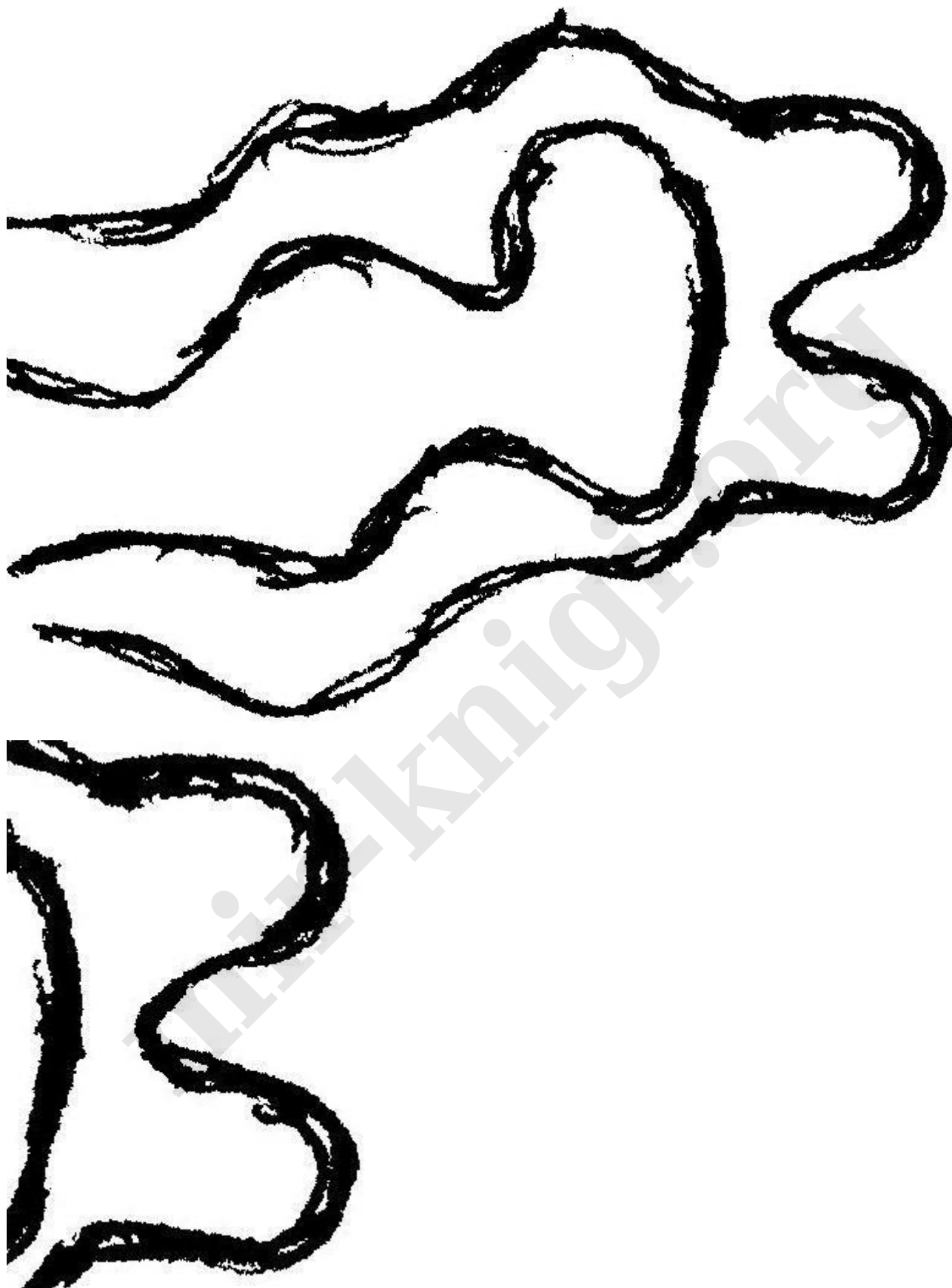
; а для хищного звука «х» они нарисовали две пасти больших речных щук, разинутые в разные стороны;

а для жужжального звука «ж» — большую жужелицу;

а волнистый звук «в» получился немножко похож на извилистую, петляющую реку Вагай;

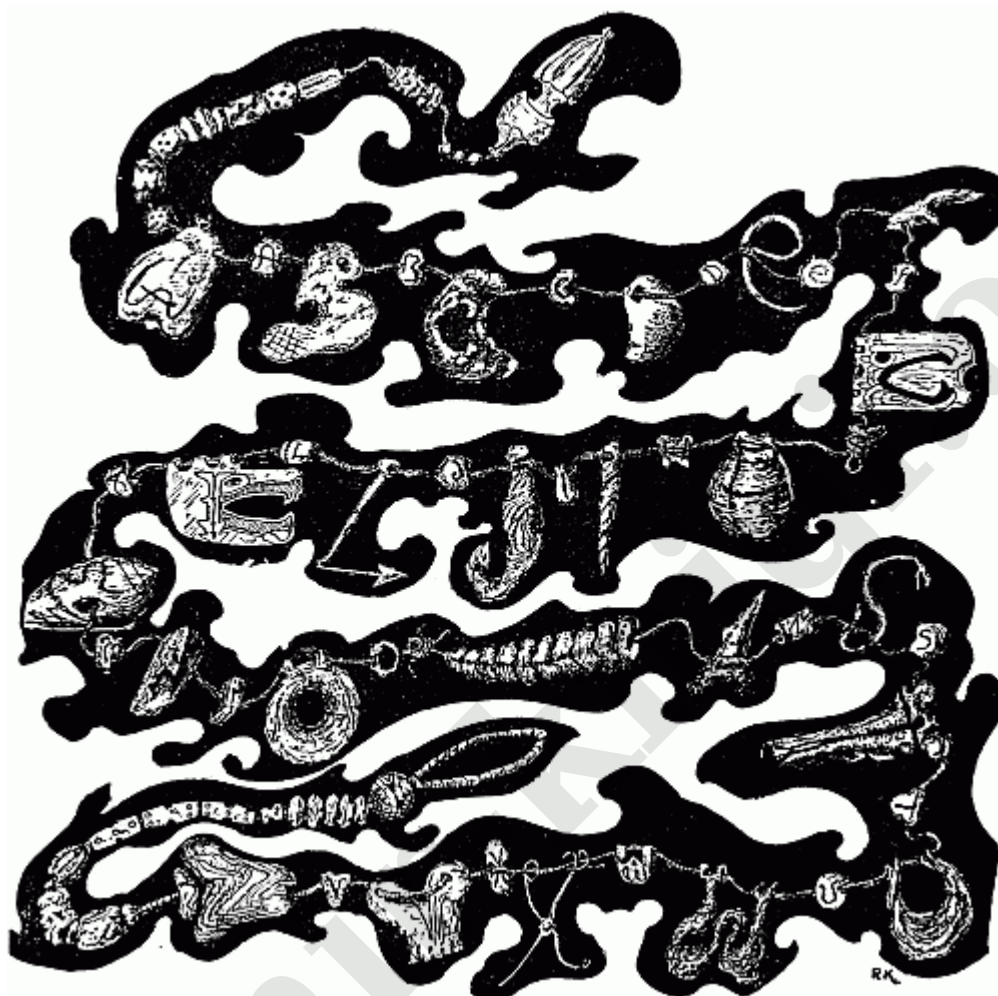

они рисовали и рисовали, пока не придумали все звуки-рисунки, какие хотели, и у них получился весь алфавит, от начала до конца.

Ушли в прошлое тёмные века и светлые века, ушли иероглифы классические и иероглифы демотические, письма ионические и письма дорические, и рунические, и криптографические, и куфические [4], и всякие иные закорючские и закавычские (ведь все

Негусы, Набобы и Наибы, и все Хранители Старины никогда не оставят в покое хорошую вещь, которая попала им в руки), и наконец, старый добрый алфавит, простой и понятный — **А Бэ Вэ Гэ Дэ** и все остальные буквы, — вернулся к своему прежнему виду, чтобы наши Самые Любимые его учили, когда подрастут немного.

Но я помню Тегумая Бопсулая, и его дочку Таффамай Металлумай, и их милую маму Тешумай Тевиндро, и те давно прошедшие годы. И всё это было, — да, так оно и было! — на берегах полноводной реки Вагай.

Как только Тегумай Бопсулай с Таффи придумали алфавит, Тегумай сразу начал делать Алфавитное ожерелье [5] — волшебное ожерелье из всех букв, — чтобы принести его в Тегумайское Святилище и сохранить там навсегда. Таффи с Тегумаем трудились над Алфавитным ожерельем целых пять лет, а племя приносило им самые лучшие бусы и разные красивые вещицы. [6] Здесь нарисовано это волшебное ожерелье. Шнурок для него сплели из отборных оленьих жил и обвили тонкой медной проволокой.

вернуться

4

На рисунке к сказке о Леопарде нам уже встречались некоторые древние письмена. В сказке про алфавит Киплинг перечисляет другие виды письменности: *иероглифы классические и демотические, письмо ионическое и письмо дорическое, письмена рунические, и криптографические, и куфические*. Классические египетские иероглифы — это те, которыми

писали священные тексты; они были очень сложными. Легче было научиться упрощённой, демотической письменности (от греческого слова «демос» — «народ»). Ионический алфавит получил своё название от ионийцев — одного из четырёх древнегреческих племен. Дорийцы тоже были древнегреческим племенем, но дорического письма не было — Киплинг его выдумал. Куфическое письмо — это стиль арабского алфавита, а назван он так по имени иракского города Куфа. Криптографическое — значит «зашифрованное». Никакой особой криптографической письменности не существует, это Киплинг шутит.

Письменами руническими писали германские народы, в том числе англосаксы на Британских островах. А когда они перешли на латинский алфавит, руны остались их священными и гадательными знаками. История о Таффи, Чужеземце и первом письме, вырезанная на слоновьем бивне (с. 227), написана именно рунами (правда, не настоящими, а придуманными Киплингом).

вернуться

5

Волшебное Алфавитное ожерелье тегумайского племени, нарисованное Киплингом (с. 228), состоит из букв английского алфавита. *Буквы P и Q потерялись* — в английском языке есть поговорка про эти буквы, наподобие русской: «А и Б сидели на трубе; А упало, Б пропало, что осталось на трубе?»

Алфавитное ожерелье хранится в суссекском доме Киплинга — усадьбе «Бейтманс» (теперь это Национальный дом-музей Киплинга). Это ожерелье подарил Киплингу его друг сэр Перси Бейтс, председатель знаменитой судоходной компании «Кунард лайн». Бейтс в 1927 году заказал известному лондонскому ювелиру Спинку ожерелье — точь-в-точь по рисунку Киплинга на с. 228. Друзья Киплинга, как и он сам, были не прочь поиграть, поэтому Бейтс, прежде чем подарить ожерелье, разыграл целую историю. Он написал Киплингу письмо: мол, мы с капитаном Спинком проезжали мимо вашего дома и зашли посмотреть на ожерелье, но оно оказалось такое потрёпанное, что мы забрали его, чтобы отреставрировать. Если хотите, мы его вернём, а не хотите — продадим на благотворительном аукционе. И приложил фотографию.

Киплинг вступил в игру и написал ответ в том же духе: «Дорогой Бейтс (зачеркнуто), сэр Перси (зачеркнуто). Даже моему терпению есть пределы! Пока я был в Бразилии, вы ограбили мой дом — вы утащили бесценное ожерелье, которое я собирался передать в Британский музей как образец первобытной культуры. Я ещё не обращался в полицию, так как не люблю огласки, но ваш поступок возмутил даже мою бесстрастную пишущую машинку!» А потом не выдержал и написал: «Конечно, я хочу его получить! Очень хочу! Когда я увидел фотографию и сравнил её со своим рисунком, меня чуть удар не хватил! Везите его скорее!»

вернуться

6

Первобытные люди украшали волосы перьями и раскрашивали лица, в том числе *краской из чернильных орешков* (это такие наросты на листьях дуба). Они делали бусы и браслеты; на украшения шло почти всё, из чего сделаны *бусины волшебного Алфавитного ожерелья: речные жемчужины, перламутровые раковины, золотые самородки* (природные кусочки золота), полудрагоценные или поделочные камни — кусочки *янтаря, граната, агата* и

порфира. А вот кусочки мягкого железа, стеклянные и глиняные бусины появились позже, когда люди научились обжигать глину, изготавливать стекло и плавить железо.

Первой, если смотреть сверху, идёт старинная серебряная бусина, которую принёс Верховный шаман тегумайского племени; за ней — три чёрные жемчужины; потом глиняная бусина, синяя с серым; за ней идёт бусина из золотого самородка — подарок одного племени, которое получило её из Африки (но скорее всего, это индийская бусина); затем длинная плоская стеклянная бусина из Африки (её тегумайское племя добыло в бою) и две бело-зелёные глиняные бусины, одна с точками, а другая с точками и полосками; за ними три выщербленные янтарные бусины; потом три бело-красные бусины из глины (бусины с точками по краям, а посередине большая бусина с зубцами). Потом начинаются сами буквы; после каждой идёт светлая глиняная бусинка, на которой нарисована та же самая буква, только маленькая. Вот они:

А вырезана на кости (я думаю, что это рог лося).

В изображает Священного Бобра тегумайского племени, вырезанного на пластинке из старой слоновой кости.

С — маленькая серебряная змейка.

Д — наверное, это наружная сторона перламутровой раковины.

Е сделана из согнутой серебряной проволоки.

Ф разбита, и от неё остался только кусочек оленьего рога.

Г нарисована чёрной краской на кусочке дерева. (За буквой Г стоит не керамическая бусинка, а маленькая ракушка — не знаю, почему.)

Н — большая коричневая раковина каури [7].

И — закрученная серединка от большой раковины. (Тегумай полировал её целых три месяца.)

Ж — рыболовный крючок в перламутре.

Л — сломанное копье из серебра.

К — тонкая костяная пластинка, на которой сделали царапины и натёрли их чёрной краской.

(Конечно, Л должно стоять после К, но когда ожерелье порвалось, его собрали в неправильном порядке.)

М нарисовано на бледно-серой раковине.

Н — кусочек порфира с вырезанным носом. (Тегумай пять месяцев делал эту букву.)

О — кусок устричной раковины с отверстием посередине.

Р и Q пропущены. Эти буквы потерялись давным-давно, во время большой войны. Когда ожерелье чинили, на их место вставили бусину в виде длинной глиняной трубки и сухие трещотки гремучей змеи [8], а сами буквы Р и Q с тех пор никто не видел.

R, конечно, сделана из обыкновенного акульего зуба.

S — маленькая серебряная змейка.

T сделана из головки маленькой кости, которую выкрасили в коричневый цвет и отполировали.

U — перламутровая сторона устричной раковины.

W — волнистый кусочек перламутра; его нашли в глубине большой раковины и выудили оттуда проволочкой, облепленной мокрым песком. У Таффи ушло полтора месяца, чтобы его отполировать и просверлить в нём дырочки.

X — серебряные проволочки, а посередине неотшлифованный гранат (его нашла Таффи).

Y — хвост карпа, вырезанный из слоновой кости.

Z — кусочек агата, похожий на колокольчик, с зигзагообразными линиями. Из одного зигзага сделали змею: вырезали её в мягком камне и втерли в это место красный песок и пчелиный воск. Глиняная бусина с буквой Z — там, где у настоящего колокольчика был бы язычок.

На этом буквы кончаются.

Дальше идёт круглый зеленоватый комочек медной руды; потом обломок бирюзы; потом пористый кусочек золота, найденный в реке (это называется «речной самородок»); потом округлая керамическая бусина, белая в зелёную крапинку. Потом четыре плоских кусочка янтаря с точками (они похожи на костяшки домино); после них — три очень потёртые каменные бусины; потом две бусины из мягкого железа, изъеденные ржавчиной по краям (они, наверное, волшебные, потому что очень похожи друг на друга); и наконец — очень-очень старая сине-жёлто-чёрно-красная африканская бусина, похожая на стеклянный шарик. На этом бусины кончаются и идёт петелька: в неё продевали большую серебряную пуговку, что на другом конце ожерелья.

Ожерелье на рисунке очень похоже на настоящее. Волшебное ожерелье весит ровно один фунт и семь с половиной унций. [9] Чёрную загогулину на заднем плане я нарисовал, чтобы на её фоне были заметнее бусины и всё остальное.

Перевод Яна Шапиро

Где древний тегумайский род?

Его давно на свете нет.

Кукушка в Гилдфорде ведёт

Немолчный счёт прошедших лет.

Но годы словно вспять бегут,

И в Суррей вновь спешит весна,

И Таффи тоже снова тут,

Сквозь чащу трав бежит она.

На золотых вихрах роса,

Из прочных шкур её наряд,

Глаза синей, чем небеса,

И самоцветами горят.

Бежит бесстрашно вдоль реки,

Летит по лесу Таффамай,

Жжёт по дороге костерки,

Чтоб папа шёл за Таффамай.
И Тегумай спешит за ней,
Хоть и отстал уже давно.
Её, что всех даров ценней,
Искать он будет всё равно.
Перевод Сергея Шоргина
вернуться

7

Коричневые раковины каури были не только украшениями — когда-то это были деньги, которые ходили по всему миру, начиная от Китая, Индии и Африки и заканчивая древним Новгородом и Псковом (там их называли «ужовками» и «змеиными головками»).

вернуться

8

Сухие трещотки гремучей змеи Киплинг, наверное, добавил для интересности: гремучие змеи, как и акулы, в Англии не водятся.

вернуться

9

И напоследок простое арифметическое упражнение. Алфавитное ожерелье тегумайского племени весило ровно *один фунт и семь с половиной унций*. Английский фунт равен 453,6 грамма, а унция — 28,3 грамма. Так сколько же весило волшебное Алфавитное ожерелье?